

Матьяна
Алюшина

Читайте романы
Татьяны Алюшиной

Крымский роман
Влюбиться в жертву
Любовь со вкусом вишни
Девушка из нежной стали
Далекий мой, единственный
Девочка моя, или Одна кровь на двоих
Две половинки
Девушка с проблемами
Запутанные отношения
Свидание вслепую
Красота по-русски
Девушка-праздник
Дом, где исполняются мечты
Беглая невеста
С молитвой о тебе
Любовь без права на ошибку
Мой слишком близкий друг
Два шага до любви
Двое на краю света
Все лики любви
В огне аргентинского танго
Чудо купальской ночи
Больше, чем страсть
Моя нечаянная радость
Тот, кто назначен судьбой
Неправильная невеста
Утоли мои печали
Счастье любит тишину
Коллекция бывших мужей
Белоснежный роман
Сердце просит счастья
Руки моей не отпускай
Формула моей любви
Будьте моей семьей
Созданы друг для друга
Актриса на главную роль
Озерные страсти
Вальс до востребования
Судьба непринятой пройдет
Отсроченный шанс, или Подарок из прошлой жизни
Вынужденное знакомство
Жизнь на общем языке
Ломаные линии судьбы
Новые райские кущи

Татьяна
Алюшина

Новые
райские кущи

Роман

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А59

Редактор серии *В. Горюнова*
Дизайн переплета *Н. Каштыкиной*

Алюшина, Татьяна Александровна.
А59 Новые райские кущи : роман / Татьяна Алюшина. —
Москва : Эксмо, 2024. — 352 с.

ISBN 978-5-04-198570-7

Украдены редчайшие сокровища. При этом сейф не взломан, а посторонние в дом не входили. Что нужно, чтобы отыскать злодея? Правильно: собрать все семейство Октябрьских в усадьбе и пригласить в качестве детектива одного из лучших аналитиков страны.

И ничего, что у каждого в семье свои тайны и проблемы: благодаря Ярославу Ладникову и его бывшей почти жене Соне Октябрьской они обязательно выплывут на поверхность.

Почему бывшей? И правда. Может, настало время сделать ее настоящей?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-198570-7

© Алюшина Т., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ГЛАВА 1

— **Д**обрый день, Софья Павловна, — распахнув капитальную, широкую калитку с элементами архитектурного декора в высоком, солидном кирпичном заборе, поприветствовал девушку охранник.

То, что на звонок Софьи дверь на участок открыла не добрейшая, милейшая Людмила Аристарховна (многолетняя помощница по их большому хозяйству, которую бабушка упорно называла на английский манер экономкой), а охранник (пусть не столь милый, улыбочивый и открытый, как Людмила Аристарховна, но вполне себе приятный и симпатичный молодой мужчина, однако охранник же!), заставило Соню мгновенно заволноваться пуще прежнего и даже немного испугаться. Особенно если рассматривать факт неожиданного присутствия охраны в связке с поводом, который как-то туманно-неопределенно озвучила по телефону бабушка, настоятельно попросив Софью приехать.

Ну, «попросив» — это, пожалуй, слишком дипломатично названо, скорее Эльвира Аркадьевна высказала старательно смягченное требование, плохо закамуфлированное в форму просьбы.

Охранника этого Софья знала и даже, как ни удивительно, помнила его имя, хоть и видела не более пары

раз и то мимоходом. Парень был из числа тех, которых ее папа время от времени, по различным поводам, делам и потребностям его фирмы, нанимал в одном известном охранном агентстве, с которым много лет и вполне себе удачно сотрудничал.

— Здравствуйте, Вадим, — поздоровалась Соня и, не сдержав тревожности, спросила: — Что-то случилось?

— Все объяснит Эльвира Аркадьевна, — ушел от прямого ответа охранник, посторонясь и пропуская девушку вперед.

— Папа, Костя? — постаравшись сильно не пугаться, все же не удержалась и уточнила Соня, всмотревшись в лицо парня острым, внимательным взглядом, отслеживая реакцию на свой вопрос.

Нет, понятно, что, если бы — не приведи боже! — произошла какая-то беда бедовая, ей бы сразу сообщили, но мало ли... От бабушки можно ждать самого непредсказуемого.

— С Павлом Егоровичем и Константином Павловичем все в порядке, — ответил Вадим, позволив себе намек на скользнувшую по губам еле заметную улыбку, и напомнил девушке: — Проходите, Эльвира Аркадьевна вас ждет.

— Да, — кивнула ему Софья и двинулась к дому по широкой, выложенной плитами из дикого камня дорожке.

Когда дорожка, обогнув старую высокую липу, вывела Софью на прямой отрезок, тянувшийся к самому входу, и фасад дома предстал перед ней во всей своей красе, она остановилась, не отказав себе в удоволь-

ствии просто постоять и полюбоваться открывшимся видом.

Дом, любимый дом!

М-да... любимый и некогда бывший родным. Единственно родным.

Хотя данное строение назвать домом было бы категорически неверно. Это скорее малая усадьба в два этажа с классическим портиком с колоннами центрального входа и мансардой над ним на третьем уровне, с большим круглым окном, разделявшим все строение на правую и левую части.

Мама посмеивалась над отцом, когда тот замахнулся на проект в стиле русского усадебного классицизма позапрошлого века, говоря, что это в нем проявляются гены знаменитого рабоче-крестьянского прадеда, во что бы то ни стало стремившегося перещегоолять и переплюнуть всякого барина. Папа возражал, выдвигая версию, что это в нем как раз таки не прадедовы корни трепещут торжеством наведенной социалистической справедливости, а бунтует прабабкина дворянская линия, подпортившая им всем родословную своим аристократизмом.

Они начинали шутливо препираться и спорить, выдвигая варианты отцовской тяги к помпезности, хохотали и смотрели друг на друга, сияя влюбленными веселыми глазами, не замечая никого и ничего вокруг.

Они вообще у них с братом Костей такие были оба... смешливые и веселые.

М-да. Были когда-то у них и оба. Нет, сейчас, конечно, тоже есть, слава богу, и тоже оба, но теперь не

такие веселые, как тогда, и не совсем чтобы только у них, и... в общем, все сложно и неважно.

Просто в ней говорит чистая ностальгия по детству, по той счастливой и беззаботной жизни. Когда ты маленький и защищен со всех сторон любовью, а родители молодые, улыбчивые, смелые и задорные. И кажется, что весь мир наполнен солнечным светом, простотой бытия и бесконечной радостью, и принадлежит только вам, и так будет бесконечно... Такая печальная, теплая и щемящая грусть по времени, которое всегда и у всех безвозвратно проходит.

Софья вздохнула и резко выдохнула. Ладно, что она на самом деле-то застряла, надо идти, раз приехала, да и барыня... ах, пардонте-с, то есть бабушка стоит вон уже, встречает. Позвонили-доложили, видимо, про Сонино прибытие. Или сама увидела со второго этажа, как подъехало такси к воротам.

Бабушка Эльвира Аркадьевна у них дама весьма неординарная, наделенная той особой, тяжеловато-царственной статью, которая бывает лишь у редких крупных женщин — ровная, как доска, спина, неторопливые, плавные, наполненные смыслами и значимостью движения и жесты, подборок неизменно на определенном уровне горделивости (то бишь всегда параллельно полу) — женщина, постигшая всю глубину своей исключительной значимости и недостижимой иными величественности.

Привычно безупречная, облаченная в обманчиво простое и лаконичное платье с длинным рукавом и подолом до середины голени (не иначе как от известного модельера), в туфлях на невысоком каблуке одной из

крутейших итальянских фирм. Она стояла меж двух центральных колонн с опущенными руками, перехватив одной ладонью кисть другой. И этот жест — сцепленные руки — пожалуй, единственное, что следовало трактовать как легкую степень укора за то, что ей приходится дольше положенного ожидать Софью.

Ну точь-в-точь их сиятельство с безупречными манерами, основной добродетелью которой является бесконечное терпение по отношению к трудным родственникам. Графиня, не иначе. Ага, разве что не титулована, ну так это глупая формальность и чистый недосмотр, в любой момент легко исправляемый.

Как-то так.

Привычный сарказм и злую иронию в адрес бабушки Софья давно уже научилась сдерживать и язвила исключительно про себя, за крайне редким исключением, когда бабушка Эля совсем уж теряла края и Соне приходилось вслух напоминать той о своих личностных границах.

Что-то она взялась брюзжать не по-детски, — поймала себя на едкой язвительности Софья и, вздохнув, мысленно одернула: «Прекрати!» Как обычно, она несправедлива в настолько негативной и даже немного злой оценке бабушки и прекрасно это осознает. Просто так сложилось, что у Софьи с детства выработалась и закрепилась на уровне привычки (или даже скорее некоего рефлекса) такая вот обвинительно-язвительная реакция на Эльвиру Аркадьевну. А это неправильно хотя бы потому, что, в конце концов, бабушка совсем не высокомерна и никакой наигранной надменности в ней нет и в помине — просто она такая.

Такая — и все.

Софья тоже такая, какая есть, и никогда ничего из себя не изображала, однако ж всю жизнь из-за своеобразного характера окружающие воспринимают ее как надменную гордячку и заносчивую особу, в чем не забывают попенять и упрекнуть.

А уж у бабушки и характер имеется железный, и врожденная величавость под стать характеру, ну и ум с мудростью к ним прилагающиеся. Да еще и многолетняя работа на руководящей идеологической должности... И, как результат — соответственная манера держать себя с непоколебимой уверенностью в своей правоте.

О! Бабушкина уверенность в своей правоте — это особая тема: если Эльвира Аркадьевна посчитала, что права (а считает она так в девяноста процентах из ста), то практически без шансов переубедить ее и заставить принять иную точку зрения. Правда, следует честно сказать: если бабушка Эля убеждается, что все же ошибалась, она всегда признает свою ошибку и непременно извинится, хотя надо признать и то, что ошибается Эльвира Аркадьевна, к сожалению, крайне редко.

Что не отменяет сложившегося в странную привычку способа общения между Эльвирой Аркадьевной и Софьей — бабушка доминирует в своей неистребимой манере руководить и непоколебимой уверенности в правоте и правильности принятых ею решений, ну а Софья якобы противостоит ее мнимому диктату с элементами автократии и навязыванию своего мнения.

Так и живут, каждая отыгрывая ставшие привычными для них роли.

Может, от испытанного облегчения после того, как Вадим заверил, что с отцом и братом все в порядке, или от досады на бабушку за то, что напугала, вызвав под предлогом какой-то возникшей ужасной проблемы, связанной с папой, завелась Софья недовольством и ворчит про себя на бабу. Впрочем, как показывает практика, чтобы раздражиться на Эльвиру Аркадьевну и брюзжать про себя в ее адрес, Софье особого повода не требовалось — достаточно поговорить по телефону или встретиться.

— Здравствуй, Софья, — поздоровалась плоским, нейтральным тоном бабушка.

— Здравствуйте, Эльвира Аркадьевна, — ответила в тон ей Соня.

— Вот как? Не бабушка, а по имени-отчеству, — приподняв показательно-осуждающе одну бровку, попеняла ей хозяйка дома. — Недовольна, значит, и откровенно хамишь.

— Ты сказала, что возникла какая-то глобальная неприятность, связанная с отцом, и отказалась сообщать по телефону подробности, кроме того единственного факта, что он жив, — напомнила Соня и, не удержавшись, все-таки попрекнула: — Ты хоть понимаешь, что я передумала, пока сюда ехала?

— Столь скупая информативность вызвана необходимостью, — туманно-неопределенно пояснила бабушка.

— Чистой воды шантаж, — дала определение оглашенному бабушкой поводу для вызова Соня.

— Да, — только и сказала Эльвира Аркадьевна, соглашаясь с внучкой. И предложила, плавно-продуманно

поведя рукой приглашающим хозяйским жестом: — Проходи в дом, я скоро все объясню.

Спорить с принявшей решение бабушкой было так же бесполезно, как добиваться диалога с одной из колонн портика, возле которых она стояла. Если та отказалась объяснять на ходу, можно быть на сто пудов уверенным, что делать она этого не станет, хоть тут что произойди: реальный конец света в виде пушистого арктического зверька или какие-нибудь «белые в городе».

Хотя «белые в городе» — это, пожалуй, самая бабушкина тема...

Но спорить Соня, собственно, и не собиралась — зачем? Не ее история зазря себе нервы дергать и вступать в заранее бесполезные препирательства ради самих разговоров и прокачивания эмоций.

— Оп-па! — не удержалась от восклицания Софья, пройдя через дверь из большой уютной прихожей в малую гостиную («комнату ожидания приема», как называл это помещение папа) и увидев собравшихся.

Вот чего она точно никак не могла ожидать и даже близко предположить, так это увидеть столько народа в большой полукруглой комнате. Ну, не совсем народа, а все-таки родни — от близкой до дальней, местами и вовсе лишь номинальной, — но таки представителей их многочисленного семейства, стоявших или сидевших на банкетках и креслах, расставленных вдоль стен у кофейных столиков гостевого холла. Все что-то жарко обсуждали и шумно переговаривались.

— Сонечка Пална!!! — разнесся громкий, восторженный девичий визг, и откуда-то сбоку стремитель-

но выскочила и ринулась к Софье ее младшая сестрица Дарья. Подлетела, обняла-обхватила и повисла на шее.

— Я тоже очень рада тебя видеть, — не удержавшись, она обняла Дашку и разулыбалась.

— Я соскучилась ужасно! — орала, тормошила и расцеловывала Соню в щеки Дашка. — Круто, что ты приехала!

— Все, Даш, отпусти меня, — попыталась освободиться из ее захвата Софья, не любившая проявлений столь ярких эмоций и нарочито показательных, чрезмерных чувств.

— Все, все! — подняв руки сдающим жестом, расхохоталась Дашка. — Не мучаю, не зажимаю, не обнимаю!

Дашка никогда не обижалась на Сонину природную сдержанность, отстраненность и холодность в проявлении чувств. Во-первых, потому что принимала такой, какая она есть, а во-вторых, потому что нисколько не сомневалась и совершенно точно знала, как сильно и глубоко любит ее старшая сестрица.

— Мама, что происходит? — недовольным тоном с легкой ноткой капризности вечного престарелого дяди потребовал ответа у вошедшей в гостиную следом за Софьей Элеоноры Аркадьевны сын, он же дядя Сони и Дарьи. — Зачем ты нас здесь всех собрала?

— Терпение, Алексей, — холодно, как раздухарившегося мальчугана, одернула сына Эльвира. — Скоро я все объясню.

— Объясни сейчас, — поддержав брата, предложила Глафира. — Все недоумевают и нервничают.

— Да, Эльвира Аркадьевна, — поддакнул жене дядя Ленья, — хотелось бы уточнить формат этой неожиданной встречи.

— Поразительно, как тебе удалось их собрать? — подивилась Софья, быстренько пересчитав и идентифицировав родню, которую в таком составе собрать вообще было нереально. По крайней мере, на памяти Сони такое случилось впервые.

— Подкуп, шантаж, игра на слабостях, привязанностях и тайных страстях, разжигание любопытства, — с явно читаемой, совсем чуть-чуть, ноткой гордости в голосе объяснила бабушка.

— Класс! — от души восхитилась Софья и повторила: — Вот просто класс! Все как ты любишь.

— Благодарю, — сдержанно приняла похвалу внучки Эльвира Аркадьевна, произведя даже не кивок, а легкий намек на оный.

— Нет, ну на самом деле, Эльвира Аркадьевна, это уже несерьезно, честное слово. Зачем мы все здесь собрались и чего ждем? — раздражался Владимир. — Лене нельзя нервничать, ей необходимо гулять на воздухе и больше лежать, отдыхать. — Он кинул быстрый взгляд на жену и продолжил выкатывать претензию: — А вместо этого вы напугали нас каким-то ужасным происшествием, которое отказались объяснять по телефону, и мы помчались сюда, в Октябрьское. Объясните же, в конце концов, что случилось?

— Мы ждем еще одного человека, который с минуты на минуту присоединится к нам, — в своей любимой манере отвечать на вопрос сообщила та, чуть повысив тон: — Сейчас Людмила Аристарховна и девочки на-

крявают в столовой к чаю, будут поданы легкие закуски и сладости.

— Как у вас тут куртуазненько, однако, — съехидничал дядя Валя.

Судя по блестящим глазам, слегка покрасневшимся щекам и умеренно задиристому настроению, дядюшка успел уже где-то «поправить прицел», втихаря закинувшись для уравнивания нервов «живительным полтинничком», а то и доброй соточкой коньячку, ибо уважал только этот напиток.

— Прямо «Дворянское гнездо»: «кушать подано, извольте к столу-с», — хохотнул он вдогонку своей сомнительной остроте

Дядюшка Валя с большим скепсисом относился ко всему тому политесу и жизненному устою-укладу с закосом под дворянскую жизнь, что обустроила в усадьбе железной хозяйской рукой бабушка Эльвира. И всякий раз, когда оказывался в гостях, не забывал продемонстрировать пролетарскую недобрую иронию. Правда, дальше этого осмотрительно не заходил и от всегда богатого, вкусного угощения за великолепно сервированным столом не отказывался, как и от возможности погостить несколько деньков, и от баньки с пивком и продолжением.

Иногда, надо признать, дядюшку заносило чуть более дозволенного самому себе уровня критики, поскольку, чем больше было залито внутрь дядюшки лечебного коньяку от нервов, тем жестче становилась его язвительность на данную тему.

— А чо, правильно! — поддержала инициативу с чаем Дашка и нарочито хрюкнула сатирическим смешком: — Буфет в театре — первое дело!